

ВШИВАЯ

Этот рассказ мною был написан на армянском языке в далеком 1987 году, когда мы все со своими мелкими (и не очень) проблемами и заботами «мирно и дружно» жили в стране, которая называлась СССР. Тогда я думал и писал на армянском языке.

Известно, что при переводе произведения многое теряется, хотя бы потому, что автор и переводчик мыслят на разных языках, обладая разной ментальностью.

Авторский перевод снимает перечисленные выше противоречия и разнотечения, если автор-переводчик практически одинаково владеет двумя языками.

Идея перевести именно этот рассказ 27-летней давности укоренилась во мне не случайно.

В ходе моих жизненных наблюдений я неоднократно убеждался, что имеется некая неосознанная и неведомая связь между реальными событиями с фантазиями и воображениями на эту тему. Бывают же вещие сны?

Будучи неверующим человеком с устойчивыми атеистическими воззрениями, я с годами становился суеверным человеком, постоянно сомневающимся в том, имеется ли для каждого человека рок, судьба, предначертанная линия жизни или каждый живет сам по себе своей жизнью, содержание и исход которой не зависит ни от чего (Кого!), разве что от стечения обстоятельств?

Практически во всех моих рассказах и эссе повествование ведется от первого лица и, создавая образ главного героя, я исходил из собственных мироощущений и описывал события из моей жизни.

Из-за суеверия многие темы и сюжеты, созданные мной, до сих пор тихо и уныло дребезжат внутри, на душе, как плач угасающего камертона. Но я их так и не выпускаю на волю, ибо неоднократно убедился, что всякие мои мрачные, трагические воображения или фантазии во времени каким-то странным образом материализуются.

Содержание настоящего рассказа убедительно доказывает, что мое суеверие и мои страхи о фатальности бытия обоснованы...

В возрасте 60 лет в Лос-Анджелесе внезапно скончался эмигрант из Армении. Умер в полном одиночестве (его жена и трое дочерей отказались покинуть родину) и был похоронен на чужой земле по-американски — сдержанно и организованно.

Когда я узнал об этом грустном факте, решил развивать эту тему, написав рассказ, в котором Вдова покойника здесь, в Армении, устраивает похороны мужа без тела покойника, положив в гробу его кирзовые сапоги, ватную телогрейку и топор дровосека. Эти «реликвии» покойник хранил как память о его тяжелых ссылочных днях, когда, будучи «врагом народа», молодой армянин — репатриант из Сирии, оказавшись в Сибири, работал на лесоповале.

Совершив все положенные обряды поминания на годовщине «похорон», Вдова устанавливает надгробный гранитный камень-памятник с надписью:

«Памятник армянину, похороненному вдали от Родины».

Когда я стал подтачивать мелочи и создавать образы при изложении описанных событий, особенно когда соседи стали собственными силами сколачивать гроб для отсутствующего тела покойника (без свидетельства о смерти гробы не продавались), при описании мизансцены я для убедительности мысленно представлял двор частного дома моего близкого родственника. Это помогало мне более убедительно передать внутреннюю напряженность ситуации и трагикомичность происходящего, тем более, что я прекрасно знал этот двор, так как вырос там...

Рассказ получился очень трогательным и качественным. Еще некоторое время внутри меня дрожал нерв сострадания и сопереживания событиям, описанным мной.

И когда я практически полностью отошел и избавился от колдовского влияния атмосферы и настроения моего последнего рассказа, вдруг, как гром среди ясного неба, мне сообщают, что мой близкий родственник скоропостижно скончался, будучи в чужом городе...

Когда я вошел в его двор и обнаружил скорбящих девочек и вдову, которые, обнявшись в клубок, тихо стонали и тряслись, мне показалось, что присутствую на постановке спектакля, поставленного по мотивам моего последнего рассказа. Все совпадало. Окружающие соседи, отсутствие тела покойника и скорбящие родственники...

Было бы глупо искать причинно-следственную связь с тем, что писал в моем рассказе пару месяцев назад и с тем, что сейчас я наблюдал. Однако во мне постепенно возникало чувство вины за несовершенный грех, и я никак не смог избавиться от этого страха и чувства угрызения совести...

Прошло время. Я постепенно выходил из этого замороженного состояния. Внутри, как ранней весной, появились творческие ростки, на которых почки все вздувались, и, кажется, вот-вот взорвутся...

Однако страх суеверия не позволял развернуться и излагать то, что я задумал...

* * *

Я ее заметил сразу. Нельзя было оставаться равнодушным к ее испуганному и бесконечно печальному взгляду.

Она была одноклассницей моей дочери, которую я каждое утро сопровождал до школы и потом отправлялся на работу.

Не сказал бы, что она была красивой или привлекательной. Поражали ее скованые действия и поведение: беглый взгляд по сторонам в поисках воображаемого источника опасности или атаки врага.

А перед началом уроков, когда в коридоре на фоне громкого крика и детского гогота вокруг тебя, как в хороводе, бегают и шарахаются во все стороны возбужденные и суетливые школьники, она тихо, практически прижимаясь к стене, чтобы не занимать какое-либо пространство, неподвижно и молча стояла и дожидалась звонка.

Когда эта сумасшедшая толпа распределялась и рассасывалась по классам, а коридор постепенно опустел, она робко отрывалась от своего нулевого пространства и, оглядываясь по сторонам, беглым шагом стремилась к двери своего класса.

Столь сильно выраженный комплекс неполноценности и страх перед окружающей средой бросались в глаза, и это все в комплексе вызывало чувство сострадания. Было ясно, что с этой девочкой не все в порядке. У нее на душе кипели страсти, которые она старательно пыталась заглушить...

Я стал интересоваться. Кто она такая, как учится, из какой она семьи?

— Ее в классе называют «вшивая» и все избегают ее,— разъяснила моя жена, которая узнала эту информацию из уст нашей дочери, и продолжала,— во время санитарного обхода медсестра в ее волосах обнаружила вшей и об этом открыто сказала в присутствии всего класса, как бы предупреждая об опасности...

Теперь мне все стало ясно. Раненый и загнанный в угол звереныш.

Она была из многодетной и неблагополучной семьи, и может поэтому ее мать никак не прореагировала на вызовы администрации...

Кому знакомы детский садизм, неосознанная озлобленность и высокомерие, тот поймет, каким адским мучениям и невыносимым унижениям ежедневно подвергалась Вшивая,— героиня моего будущего рассказа.

Однажды утром я специально задержался с дочерью на перекрестке, чтобы помочь Вшивой вместе с нами переходить этот опасный участок дороги к школе.

Когда я подошел к ней и предложил свою руку, чтобы с одной стороны держать ее и перейти дорогу, она резко дернула руку и отпрыгнула от меня.

Я с дочерью перешел дорогу, но замедлил шаг и краем глаза следил, как будет Вшивая переходить дорогу.

Она робко подошла к краю тротуара, дождалась, когда подошла взрослая женщина и, прикрываясь за нею, быстро проскакала до противоположного тротуара.

Ее «великодушный» отказ моему предложению помочь ей я трактовал как осознание собственной опасности для окружающих...

Я был удручен и озабочен за психику Вшивой. Ведь столь глубокие и сильные страдания и переживания в восьмилетнем возрасте чреваты...

Я увлекся разбором и анализом причин столь резкого и неординарного поведения моей героини. И тогда я понял, что практически готов написать о ней рассказ.

Однако ожидаемый рассказ терял свою привлекательность, так как я никак не мог придумать убедительный, сильный и трогательный финал.

Но я спешил завершать рассказ, так как незавершенные темы и рассказы раздражают меня и мешают сосредоточиться на новых темах.

Наконец принял решение завершить рассказ тем, что Вшивую на этом перекрестке насмерть сбивает машина. А завершающая фраза рассказа была такая:

...И я медленно и печально замыкал похоронную процессию, размысливая и задавая себе вопрос: что это было? Несчастный случай или самоубийство?

Прошло время, за этот период я два раза успел побывать в командировках, глубоко вошел в производственные проблемы и полностью отошел от черных и грустных мыслей...

Однажды, вернувшись вечером с работы домой, заметил некоторую напряженность в поведении дочери.

— Папа, сегодня утром моя одноклассница погибла. Ее сбила машина,— сказала дочь и не смогла сдержать слезы.

— Вшивая? — тревожно спросил я.

— Откуда узнал? — изумленно, сквозь слезы спросила дочь.

...По словам водителя, девочка неожиданно вырвалась с тротуара и так мгновенно оказалась под колесами машины, что он даже не успел затормозить...

Впереди похоронной толпы, с напряженными лицами, с видом некоторого лживого торжества шли одноклассники Вшивой, держа в руках белые гвоздики.

А в самом конце процесии я носил свое грешное и бесконечно виноватое существо, задаваясь вопросом: «Что это было? Несчастный случай или самоубийство?»

БЕЗОТЦОВЩИНА

Вместо предисловия.

Кто следит за моим творчеством, знает, что все мои произведения (за редким исключением) изложены от первого лица и являются частью моей прожитой и пережитой жизни. Поэтому спешу сообщить, что в этом произведении все события выдуманы автором, и главный герой — собирательный образ юноши сегодняшних дней.

Автор уверен, что такая история могла случиться и практически имеет место на всех концах света ежедневно...

По данным статистики, в настоящее время каждый третий ребенок живет в неполной семье. Примерно столько же проживают с отчимами. То есть больше половины детей страдают в унизительных мучениях поиска причин, почему у них рядом нет отца, как у других детей из обеспеченных и полных семей?

В каждом отдельном случае, как говорит Л. Н. Толстой, эти дети «несчастны по-своему», но их объединяет схожесть переживаний и желание иметь ежедневно «доступного отца».

...Утомительные ожидания с зачеркиванием дней на календаре вот-вот закончатся, и он опять встретится с отцом.

По рассказам матери, отец ушел к другой женщине, когда ему не было и года, поэтому он не помнил и не знал, как это бывает, когда отец каждый день выходит из дома, прощаясь и обнимая детей, а вечером возвращается и остается спать вместе с семьей...

Он еще с раннего детства с неприкрытым завистью наблюдал за действиями своих друзей, когда в детсад за ними приезжали их отцы.

Сколько раз и во сне, и наяву он представлял сцену, как отец появляется на пороге и с какой гордостью и радостью он выбегает из комнаты и на глазах у всех своих друзей бросается в объятия отца. А отец его приподнимает и трясет над головой, а потом страстно целует его в щеки и в лоб...

...Они с отцом прогуливаются по улицам города, отец крепко держит его за руку, а он не в силах скрыть свое счастье, оглядывается по сторонам — все ли видят, что он гуляет с отцом? Какое красивое лицо у отца, как он доволен, что у него такой сын, которого он очень любит. Это видно по его счастливой улыбке. Какой он у него стройный и сильный. И не зря все друзья ему завидуют...

Эти кадры в замедленном исполнении, как в кино, почти ежедневно приходили во сне, и он, просыпаясь утром и окунувшись в реальную жизнь, с утра пораньше уже не в настроении и, как мама говорит, «капризный и невыносимый мальчик».

— Чего тебе не хватает? Что еще хочешь? Что я не так делаю? Почему ты с утра такой угрюмый и уже обиженный на всех и на весь мир?

Материнская агрессия всегда вводила его в ступор. Он еще более замыкался в себе и суровым взглядом исподлобья совсем расстраивал маму:

— Что с тобой происходит? Тебя к врачу, что ли, сводить?

Часто эти сцены заканчивались истерикой и плачем матери...

Он очень не хотел ее расстраивать, так как сильно ее любил. Именно поэтому он не осмеливался рассказывать ей о своих переживаниях, о преследующем его сне и оочных кошмарах и переживаниях.

Он был уверен, что если поделится с матерью и расскажет ей, что его тревожит, она еще больше расстроится...

Каждый раз, говоря об отце, мать с озлобленной ноткой в голосе и чуть раздраженно, как бы стараясь быть сдержанной и сделав над собой усилие показаться равнодушной, дрожащим голосом говорила одно и то же:

— Как ты не понимаешь, что он предатель? Бросил нас совсем беспомощными и ушел к своей молодой любовнице. Понятно, кому нужна уставшая и неухоженная жена, которая целый день, как белка в колесе, крутится, варит, парит, стирает, гладит, в магазин бегает? А там у него под боком молодая и ухоженная змея...

И он себя ощущал безгранично несчастным и брошенным ребенком, которого родители не понимают.

— Почему именно я, почему именно мой отец? Неужели он на самом деле такой нехороший?

— Какой бы он ни был, я его очень люблю и хочу быть на него похожим, когда вырасту,— завершал он свои поиски истины.

Сколько раз он тайком, прячась за забором, следил за тем, как отец с этой «змей» выходили из офиса и садились в машину.

Сколько он ни старался, ему не удавалось обнаружить в этой «змее» змеиное. Она была очень элегантной и красивой женщиной. Двигалась с достоинством и всегда улыбалась. Улыбка была ослепительно красивой.

Теперь-то, когда он вырос и понимает толк в женщинах (еще бы, ему же уже исполнилось 14 лет), он понимает отца.

Он хотел бы иметь именно такую жену, которая родила бы ему много детей...

Однажды он осторожно попробовал затронуть эту тему и признался матери, что он иногда следит за отцом и что она, эта «змея», не такая уж змея, как он ожидал.

— Понятно теперь, чьи гены в тебе бурлят. Яблоко от яблони недалеко падает. Как же мне дальше жить? Какая же я несчастная женщина. За что ты меня так сурово наказываешь, Господи? Ну пожалей меня...

И он зарекся больше этой темы не касаться, но постепенно начинал понимать, почему отец ушел от мамы...

Он очень любил свою маму и каждый раз, когда его общение с мамой заканчивалось слезами и маминой истерикой, он приходил в глубокое уныние и отчаяние. Ведь она же плачет из-за него.

В назначенный день и в назначенное время они встретились с отцом в ближайшем парке.

Отец был очень пунктуальным и ответственным человеком и никогда не опаздывал. Если и бывали непредвиденные обстоятельства, то заранее предупреждал.

— Ну, здравствуй, сынок! Как дела? Что мы такие невеселье? В наши-то годы? Тебе исполнилось 15 лет. Какое счастливое время. Мне бы твои годы.

— Отец! Ты бы как прожил свою жизнь, если бы тебе была предоставлена возможность начать все заново?

— Сынок, у тебя сегодня юбилей. Давай поговорим о тебе. Я тебе подарок привнес. Вот получай,— ловко уходя от разговора, отец повернулся и достал сверток.— Тебе планшет. Надеюсь, я тебя не разочаровал, и подарок тебе по душе.

— Будешь послушным и хорошим мальчиком, хорошим студентом, на 20-летие обещаю машину подарить,— продолжал отец, пользуясь паузой.

— Отец, для меня самое большое счастье и самый неоценимый подарок — это быть с тобой. Общаться с тобой и говорить каждый день, каждый вечер. И утром, просыпаясь, с улыбкой тебе сказать: доброе утро, отец! И уходя в школу, обнять тебя и поцеловать в надежде, что вечером опять увидимся,— сказал он и, не сдержав эмоции, заплакал.

— Ну, ну, это уж совсем. Какой у нас день. Мы повзросли. Нам 15 лет. А мы плачем,— сказал отец и обнял его голову.

Его пальцы вошли в его кучерявую шевелюру на затылке. Он гладил одной рукой его волосы, а другой вытирая его слезы...

— А это подарок от моей супруги. Тебе фирменные часы, чтобы ты ценил время и не тратил его бездарно. Последняя модель. Правда, подарок скромный, но важно внимание. Она тебе желает успехов и много счастливых и беззаботных дней.

Не зная, как среагировать, он стал рассматривать подарки, что несколько сняло напряжение момента.

— Отец, ты не обидишься, если я маме скажу, что часы тоже ты подарил?

— Сам понимаешь, чем это кончится,— продолжал он и почувствовал себя виноватым и немного предателем.

Отец смягчил ситуацию уместной паузой и, несколько подумав, сказал:

— Как хочешь. Тебе преодолевать все трудности общения с мамой и тебе выбирать, какую политику с ней вести, чтобы она меньше кричала и рыдала.

— Отец, ты все-таки не ответил на мой вопрос. Как бы ты прожил свою жизнь заново? — и не дав отцу шанс выбора, он продолжал,— Ну, конечно, не женился бы на маме. Какой смысл жениться, чтобы потом развестись? Начиная новую жизнь, надо учитывать старые ошибки и избегать их.

Отец несколько изумленно, но внимательно слушал монолог сына и понял, что сын повзросел.

— Значит, мое появление в твоей жизни ошибка? Ведь так получается, отец!

— Сынок, ну что ты такое говоришь? Самым значительным событием в моей жизни я считаю твое появление. Ты же у меня единственный. Ты мой наследник,— старался угодить озлобленному сыну отец.

— Хочешь, переезжай жить к нам? Мы будем очень рады. Ты же взрослый мальчик. Решай сам.

— А как мама? Ведь для нее я тоже единственная опора, надежда и радость... Хотя наше с ней общение радостным трудно называть,— опустив голову и почти что шепотом сказал он.

— Отец, почему же так сложно все? Как будто у нас цугцванг в шахматах, когда любой ход ухудшает ситуацию. Если ты вернешься к нам, то будет плохо и тебе, и твоей жене. Если я перееду к вам, то будет плохо маме. Она этого не переживет, поэтому я этого никогда не сделаю, хотя очень хочу жить с тобой...

Наступила напряженная пауза, которую прервал сын:

— Отец, как нам быть? Как нам дальше жить? Ведь и мне, и тебе плохо друг без друга.

— Не знаю, сынок...

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Ереван. 1980—85 годы. Черемушки, аварийные дома на улице Алабяна. Старая дева Шакэ, уходя на пенсию и оставляя педагогическую деятельность, почему-то решила пожертвовать свою девственность престарелому контуженному и изрядно пьющему Мукучу (сокращенный вариант армянской имени Мкртич, что в переводе означает креститель).

Полагаю, что любая особа женского пола (девочка или женщина-девственница любого возраста) тщательно и с романтическими подробностями мечтает и в бессонные ночи воображает подробно в деталях свою первую брачную ночь.

Истории не известно, превратилась ли девственница Шакэ в женщину после того, как она стала жить с Мукучем, но, судя по частоте и содержанию доносившихся до

нашего слуха криков и проклятий, надо полагать, что медовый месяц Шакэ оказался не совсем медовым.

Случилось ли то долгожданное событие в жизни Шакэ, о которой каждая женщина мечтает, для нас, соседей, так и осталось тайной.

Скорее всего, Шакэ оставалась девой. Если даже эта супружеская пара ворковала бы как влюбленные голуби, то с трудом вериться, что контуженный Мукуч с трясящимися руками и головой смог бы совершить такой «подвиг».

Остается загадкой, зачем надо было Шакэ приютить у себя брошенного и отвергнутого семьей Мукуча, если сразу бросается в глаза, что это тяжело больной человек.

Трудно анализировать и полностью расшифровать женскую психологию и выявить все причинно-следственные истоки и основы их действий.

Смогу лишь предположить, что навязчивая идея или мечта женщин быть замужем или иметь мужа, может проявиться в самых непредсказуемых исполнениях.

Не берусь с хронологической точностью утверждать, что они стали ругаться сразу после начала совместной жизни, так как о том, что у Шакэ имеется мужчина, мы, соседи, узнали тогда, когда до нас стали доноситься крики и шум ссоры и даже драки с «мордобоем» и криками о помощи...

Я в 35-летнем возрасте, ученый мужчина, получал мастер-класс по армянско-русскому мату, так как Мукуч ругался, применяя лексику славной Красной армии.

Надо отдать должное Шаке, которая не отставала от «мужа» и достойно «оборонялась», проявляя незаурядные знания редких и очень забавных проклятий, которые она выкрикивала в ответ сочной брани Мукуча.

С первых же дней, как мы заселялись в этот Черемушкинский дом, наши дружные соседи обработали непригодную землю напротив дома и, освободив землю от строительного мусора и убирая камни, превратили этот кусочек земли в райский уголок.

За 25 лет деревья в саду настолько выросли, что прямо перед нашим подъездом выросло до угрожающих размеров тутовое дерево, которое своими сладкими плодами стало причиной загрязнения входа в подъезд, прилипая к обуви и создавая определенные санитарные проблемы. Кроме этого, из-за громадных размеров этого тутового дерева квартиры первых двух этажей нашего подъезда, окна которых выходили во двор, оказались в тени, и поэтому этот гигант был спилен и прямо напротив подъезда образовался широкий пенек.

На этом пеньке в летние вечера, когда после зноя и ереванского палящего солнца наступали приятные и сладкие ереванские вечера, мы часто устраивали мужские посиделки.

Эти события совпали с появлением в моей семье сына, в связи с чем я часто проводил время во дворе, прогуливая нашего младенца.

И получилось так, что, сидя на пеньке и качая в коляске сына, мне часто приходилось беседовать с Мукучем, который практически всегда бывал в подпитии.

Как выяснилось из бесед, Мукуч был учителем математики и в какой-то период жизни работал в школе с моим отцом.

Очевидно, что все, что было связано с моим отцом, меня очень интересовало. Поэтому мы с Мукучем долго беседовали и всегда были рады встречам...

Ссоры и драки Шакэ с Мукучем становились все более ожесточенными.

Все чаще был слышен истошный крик Шакэ, когда после оскорбительных выкриков и проклятий Мукуч хлопал дверью и выходил во двор: Шакэ открывала дверь и громко, чтобы все соседи слушали, вслед за ним кричала:

— Чтоб ты сдох и перевернулся в гробу...

Или Мукучу некуда было уходить, или у него с Шакэ была какая-то странная «любовь», или их связывала какая-то странная страсть сожительства или сосуществования и, невзирая ни на что, они продолжали сожительствовать...

Мукуч трагически погиб. Его раздавила машина. Соседи говорили, что он был в состоянии алкогольного опьянения.

Горе, страдания, плач и траур, который устроила Шакэ, мы все восприняли как должное, как обряд или традицию. Так от души и самозабвенно каждая армянка должна оплакивать своего покойного мужа, вне зависимости от того, как они жили до того...

Прошло несколько месяцев.

Жизнь продолжалась и все были заняты своими мелкими и ежедневными заботами и вроде все забыли о том, что в жизни нашего двора был такой эпизод, когда мы лицезрели забавные и порой печальные и грустные сцены семейной ссоры Шакэ и Мукучем...

Однако в поведении Шакэ я стала наблюдать завидное постоянство — страстное и эмоциональное оплакивание Мукуча. Когда мы встречались во дворе, Шакэ бросалась на меня и, положив голову на мою грудь, страстно и энергично трясла меня своими вздохами и слезами, плача и заикаясь от волнения, выговаривала:

— Он тебя очень любил и высоко ценил. Дай я тебя обниму и представлю, что я сейчас обнимаю моего любимого Мукуча. Ты не можешь представить, мой дорогой, как мне не хватает его, как я его любила! Каждый раз, проходя мимо этого пенька, смотрю, и мне кажется, что он там сидит и беседует с тобой.

После некоторой паузы, она, отходя от меня, вытирая слезы и переводя дух, продолжала:

— Какая я была счастливая? Никто не может это представить! Какая пустота во мне сейчас. Боже мой, как болит душа. Как мне дальше жить?

Вначале я думал, что Шакэ несколько увлеклась и так глубоко и проникновенно вошла в свою роль, что в некотором смысле потеряла грани реальности, и что это скоро пройдет.

Эти сцены с неугасающей страстью продолжались в течение года. Трудно сказать, как долго Шакэ продолжала бы мне доказывать о неповторимой красоте и романтичности своей любви к Мукучу, но после Спитакского землетрясения наш дом был признан аварийным, и все соседи разошлись по разным уголкам города Еревана, а потом и по всему свету...

В моих ностальгических путешествиях в прошлые воспоминания я часто вспоминаю с искренним сочувствием этих несчастных людей: Шакэ и Мукуча. Иногда мне кажется, что переживания и «горе» овдовевшей Шакэ, свидетелем которого я был в молодости, были искренни и естественны.

Возможно ли такое?

Не исключено, что в сознании Шакэ негативный кусочек скандального существования с Мукучем сознательно или подсознательно был стерт из памяти, и Мукуч для нее остался образом того единственного, с которым она связала свою жизнь и кому она отдавалась в своей девственной чистоте...

А ведь всем женщинам хочется наяву, ну хотя бы во сне иметь реальный или выдуманный образ, и главное, уверенность в существовании единственного и желанного...

Единственное, что меня не убедило во всей этой истории, это заблуждение Шакэ о том, что она была очень счастлива с Мукучем.

На самом деле она стала счастливой после его смерти...

Тут мне приходят на память строки Севака (не дословно!):

Для определения

Возраста древесины

Ее надо срезать...

Как это жестоко и несправедливо. И самое обидное в том, что Шакэ как явление не исключение...